

На правах рукописи

Дементьянова Анна Михайловна

**ПОЛИСИТУАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово 2013

Работа выполнена на кафедре стилистики и риторики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово.

Научный руководитель:

ЛЕБЕДЕВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.

Официальные оппоненты:

ШКУРОПАЦКАЯ МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина, г. Бийск.

ФИЛЬ ЮЛИЯ ВАДИМОВНА, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.

Ведущая организация:

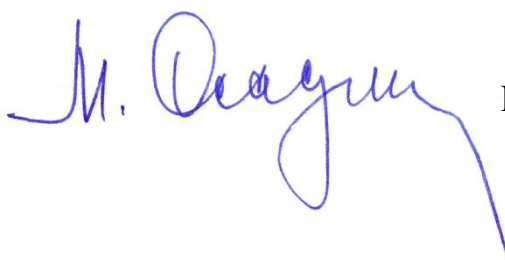
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайская государственная педагогическая академия», г. Барнаул.

Защита состоится 12 декабря 2013 г. с 14.00 на заседании диссертационного совета Д212.088.01 в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кемеровского государственного университета.

Автореферат разослан 12 ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. А. Осадчий

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено рассмотрению глубинной семантики локативных конструкций в древнерусском языке на основе применения методики полиситуативного анализа.

Изучение, разработка методов описания семантической структуры языковых единиц является **актуальным** направлением современной семантической науки. Локативная семантика представляется как одна из самых распространенных и сложных, она присуща единицам всех уровней языка и включает помимо пространственных другие значения. Исследование локативных отношений предполагает различные аспекты лингвистического анализа. Пространственное значение оказывалось предметом внимания специалистов в области словообразования (А. Андреевская, А. И. Барыкина, Г. А. Битехтина, З. У. Блягоз, Г. А. Волохина, Е. Ю. Владимирский, Н. Д. Голев, Б. Н. Головин, О. И. Дмитриева, О. Н. Дмитриева, Е. Р. Добрушина, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, М. А. Кронгауз, М. Л. Крючкова, Н. Б. Лебедева, А. М. Пешковский, В. А. Плунгян, З. Д. Попова, Т. Д. Сергеева), лексической семантики (Н. С. Авилова, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Л. И. Горбунова, Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук), функциональной и исторической грамматики (А. В. Бондарко, М. В. Всеволодова, А. Мустайоки, С. М. Полянский, В. Н. Топоров), аспектологии (Т. Г. Акимова, И. Б. Долинина), синтаксиса (В. Г. Гак, Г. А. Золотова, В. Б. Касевич, Т. П. Ломтев, О. Н. Селиверстова, И. Б. Шатуновский). Изучение глубинной структуры локативных конструкций вписывается в контекст когнитивной лингвистики (Л. А. Араева, Е. С. Кубрякова, Г. И. Кустова, Е. В. Падучева). Развитие лингвистической мысли шло по пути от структурализма к функционализму. Достижения семантической науки последних десятилетий позволяют с помощью новых методов исследовать особенности локативного значения, а также по-новому взглянуть на историю его развития в русском языке: внимание ученых направлено на глубинную семантику, в пространство которой оказываются втянуты экстралингвистические, паралингвистические знания. К области семантики в широком смысле слова относится вся информация, которую необходимо восстановить адресату для того, чтобы правильно интерпретировать высказывания.

Хотя исследования языковых единиц и значений в полиситуативном аспекте начались сравнительно недавно, теория полиситуативности уже стала известной и признана в науке. Кроме работ Н. Б. Лебедевой в данном направлении выполнен ряд диссертаций: диссертация Н. А. Дьячковой (Дьячкова 2002), описывающая полипропозитивные структуры в сфере простого предложения; диссертация А. Н. Понкратовой (Понкратова 2002), в которой исследуется дистрибутивная множественность в английском и русском языках на основе полиситуативного анализа дистрибутивов, что доказывает универсальность идеи полипропозитивного устройства языка; диссертация Ю. В. Королевой (Королева 2003), в которой с помощью методики полиситуативного анализа раскрывается характер взаимодействия семантики префиксов и

полипрефиксальных комплексов, что показывает большие объяснительные возможности полиситуативного подхода; диссертации Т. А. Кадоло (Кадоло 2004) и М. С. Небольсиной (Небольсина 2006), посвященные описанию соответственно русских ментальных глаголов и глаголов речевого воздействия в аспекте полиситуативности, что доказало эффективность применения метода полиситуативного анализа при описании лексической парадигматики. Кроме того, в рамках полиситуативного подхода выполнена диссертация Г. Ф. Лутфуллиной (Лутфуллина 2011), изучающая формализующую функцию языка на примере категории полиситуативности. Также достижения теории полиситуативности учитываются и дополняются в диссертации Л. В. Табаченко (Табаченко 2011), выполненной в диахронном аспекте исследования языка и развивающей идею о полиситуативном уровне осмысления глагольной ситуации и субъекта префиксального глагола, диссертации А. А. Боровикова (Боровиков 2012), посвященной изучению мутационных глаголов с приставкой про- со значением незапланированного негативного результата, и диссертации Ю. В. Серышевой (Серышева 2013), в которой исследуются полипрефиксальные глаголы в языковом сознании носителей русского языка.

В диссертационной работе в аспекте полиситуативного анализа исследуется глубинная семантика локативных конструкций в древнерусском языке. **Полиситуативность** понимается как когнитивно-языковая категория, которая представляет содержание языковых единиц как комплекс ситуаций на денотативном уровне и комплекс пропозиций на логическом уровне; «универсальная, глобальная категория, охватывающая не только лексику, но и грамматику, а лексику не только признаковую, но и предметную» (Н. Б. Лебедева 2010).

В настоящее время изучение ментальности человека, особенностей его культуры является наиболее актуальными. Локативное значение, будучи очень древним, сохранило представление наших предков о важности пространственных координат. Изучение семантики пространственных отношений привлекало внимание ученых с давних пор. В работах отечественных и зарубежных ученых (И. А. Бодуэн-де-Куртене, В. В. Виноградов, А. Я. Гуревич, И. И. Мещанинов, А. М. Пешковский, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, Е. С. Яковлева, М. Н. Янценецкая, Э. Бенвенист, Ф. Брюно, Г. Гийом, В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Ч. Филлмор, Э. Фромм, У. Л. Чейф) большое внимание уделяется тесной взаимосвязи и зависимости между мыслью и словом, так как языковое содержание – форма по отношению к мыслительному содержанию. Семантика слов – их внутренняя форма, а внешняя звуковая форма является способом представления внеязыкового содержания.

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом факторов:

1) включенностью в когнитивное направление, которое актуализировалось в лингвистике с конца XX в. в связи с переходом к новой научной парадигме – функционализму и антропоцентризму как доминирующим принципам подхода к языковым реалиям;

2) активным изучением в настоящее время языковой картины мира, включающей базовые ориентиры человеческого сознания – времени и пространства, с их постоянными и переменными в истории конкретного языка пластами;

3) интересом современного языкознания к текстovým реализациям языковых единиц;

4) направленностью лингвистики на поиск интегрального языка описания лингвистических структур различного уровня.

Объект исследования – синтаксические конструкции древнерусского языка, имеющие локативную семантику.

Предметом исследования является семантическая структура локативных конструкций древнерусского языка, представленная как полиситуативный комплекс.

Пространственные значения ученые рассматривают в рамках лексико-синтаксической категории места (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Н. И. Астафьева, Ф. Н. Балабан, А. И. Барыкина, А. В. Бондарко, А. П. Бояров, Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова, В. Г. Гак, В. В. Добровольская, Л. Н. Засорина, В. Д. Калиущенко, Е. С. Кубрякова, Т. П. Ломтев, Т. Н. Маляр, З. Д. Попова, О. Н. Селиверстова, Л. В. Табаченко, В. Н. Топоров). В лексико-синтаксической категории носителями значений являются слова в определенных формах. Именно формы данного слова (например, *в лесу – в лес – по лесу – из леса*) передают грамматически дифференцированное выражение различных смысловых отношений, то есть различных значений, составляющих в своей совокупности систему пространственных отношений, свойственных русскому языку.

Настоящее исследование направлено на разработку не только эксплицитных, но и «слабых» смыслов, имеющих в локативных конструкциях помимо «сильных», то есть ядерных, конвенциональных. Полипропозитивный подход дает возможность построения полиситуативных структур с локативным значением. Благодаря идее скрытых актантов – участников ситуации – локус представляется как организация пространства, мироустройства. Конструкции с разными частями речи, передающими пространственное значение, имеют разные наборы ситуаций, входящих в их семантическую структуру.

В диссертации представлены результаты исследования семантической структуры единиц, выражающих пространственное значение.

Цель данного исследования – выявление принципов организации семантической структуры локативных синтаксических конструкций в древнерусском языке на основе полиситуативного анализа.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

1) рассмотреть подходы к изучению локативного значения в лингвистике;

2) раскрыть принципы и особенности полиситуативного анализа как метода глубинного анализа семантической структуры слов. Уточнить методику

рассмотрения локативных значений в аспекте полиситуативности на основе анализа, предложенного Н. Б. Лебедевой;

3) исследовать значение и способы выражения понятийной категории локативности в древнерусском языке, а также ее взаимодействие с другими понятийными категориями;

4) классифицировать локативные конструкции по частеречной принадлежности стержневого слова;

5) применить методику полиситуативного анализа локативных значений, вскрыть имплицитные смыслы в локативных конструкциях;

6) описать ситуатемы локативных конструкций;

7) сделать сопоставительный анализ общих принципов полиситуативной организации локативных конструкций в древнерусском и в современном русском языке.

Первая, вторая и третья задачи находят свое решение в первой главе диссертационного исследования, а четвертая, пятая, шестая и седьмая – во второй главе.

В работе проводится когнитивный анализ локативных значений, так как полиситуативный анализ является разновидностью когнитивного анализа, в ходе которого осуществляется разграничение поверхностного и глубинного уровней семантики, выявление принципов организации семантической структуры языковой единицы. Для древнерусского периода характерно такое свойство семантической структуры слова, как синкретизм значения, который в той или иной форме проявляет себя во все периоды развития языка, но в древний период он имел более выраженные формы, что было обусловлено свойствами сознания и мыслительной деятельности, характерными для ранних эпох – менее четкими, чем в более позднее время, структурированием и концептуализацией окружающего мира.

В нашей работе мы останавливаемся на анализе случаев значительных расхождений в степени и характере полиситуативности локативных конструкций в древнерусском и современном русском языке.

Диффузность, недискретность лексической семантики давно является объектом лингвистических исследований. В конце 70-х гг. XX века проблема синкретизма как явления языка и речи становится самостоятельной научной проблемой (О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, А. А. Зализняк, С. Д. Кацнельсон, А. А. Потебня, О. А. Черепанова), особое внимание синкретизму уделяли историки языка (А. А. Боровиков, В. Н. Калиновская, В. В. Колесов, Б. В. Кунавин, О. А. Радутная, Е. В. Рахилина, Л. В. Табаченко, В. Н. Топоров).

Выделяется шесть типов древнего синкретизма, которые включают нерасчлененные имена; синкретизм, представленный в лексемах, одновременно имеющих значения действия, субъекта, объекта действия и результата этого действия; синкретизм слов, передающих оценку; синкретизм, отождествляющий бытие человека с бытием окружающих его живых и неживых объектов, синкретизм-символизацию. Для настоящего исследования важным является семантический синкретизм, «возникающий в результате наложения од-

ной понятийной сферы на другую» (О. А. Черепанова 2007). Примером такого синкретизма может служить пространственно-временной синкретизм.

Согласно достижениям современной семантической науки, значение слова не простая совокупность множителей, а определенным образом упорядоченная их последовательность или последовательности. Синтагматические отношения в лингвистике исследованы значительно меньше, чем парадигматические, и хотя многие исследователи изучают взаимодействие приставки и глагольной основы, необходимость изучения синтагматических отношений остается. Так, например, иногда свойства приставки оказываются более значимыми, чем свойства самой лексемы. Присоединяясь к знаменательному слову, приставка фактически задает две ситуации и переход между ними.

Характер поставленных задач определяет выбор следующих **методов** исследования: основным методом анализа в настоящей работе является разработанный Н. Б. Лебедевой метод пропозиционального структурирования (полиситуативный анализ), который заключается в рассмотрении глубинного слоя денотативной семантики. Полиситуативность проявляется на денотативном уровне, пропозициональность – на сигнификативном уровне, а на поверхностном уровне мы имеем дело с частеречной семантикой. Пропозиция является логическим аналогом денотативной ситуации. Полиситуативная методика позволяет более глубоко вскрыть имплицитный уровень семантики, в том числе так называемые «слабые» смыслы, имеющие вероятностный характер.

В исследовании используется метод интродукции, внутренней интроспекции, обоснованный А. Вежбицкой, восстановившей в правах лингвистическую интуицию в качестве исследовательского инструментария, который фактически всегда был в арсенале языковедов, но в некоторые эпохи развития науки замалчивался. Таким образом, многие заключения и выводы в работе сделаны исходя из логических представлений о предмете, из знаний о предмете, поскольку интуиция, интроспекция является мощным источником знаний о языке. Также в работе используется метод сопоставления, заключающийся в выявлении различий в семантических структурах локативных конструкций в древнерусском и современном русском языке, и статистический метод.

В качестве источников языкового **материала** использовались памятники письменности XI-XIV веков различных жанров: «Повесть временных лет» (ПВЛ) – летописный жанр, «Житие Сергия Радонежского» (ЖСР), «Сказание о Борисе и Глебе» (СБГ) – агиографический жанр, «Моление Даниила Заточника» (МДЗ) – жанр слова, «Повесть о разорении Рязани Батыем» (ПОРРБ) – жанр повести. Выбор материала обусловлен интересом к восприятию мира древними славянами, с одной стороны, и отсутствием научных работ с комплексным описанием локативных значений методом полиситуативного анализа на материале древнерусского языка – с другой. Привлечение различного в жанровом плане фактического материала обусловлено стремлением получить объективные и точные результаты. При сопоставлении древнерусских и современных русских локативных конструкций материал для послед-

них выбирался из Словаря русского языка РАН в 4 томах, контексты извлекались из иллюстративного материала соответствующей статьи.

Сбор материала проводился методом сплошной выборки и составил 534 единицы. За единицу изучения принимается синтаксическая конструкция с пространственным значением, стержневым словом в которой может быть глагол, имя существительное и прилагательное, наречие, передающие локативные отношения.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые предпринимается попытка рассмотрения конструкций с локативным значением в древнерусском языке с помощью метода полиситуативного анализа, что позволяет выйти на глубинные уровни семантики пространственных конструкций и представить ее в виде полипропозициональных структур, которые представляют собой разные типы полиситуативности, описанные Н. Б. Лебедевой (конситуативность, длительность, сегментированность, квантификацию), а также смешанный тип полиситуативности. Полиситуативные комплексы с локативным значением кроме лексикализованной ситуации имеют в своей структуре ретроспективные, проспективные и параллельные ситуации, воплощающие разные непространственные имплицитные значения. Исследование, проведенное в данной работе, дает информацию о путях развития локативной семантики и представлений человека о мире от древнерусского состояния языка до настоящего времени, тем самым уточняет и обогащает теорию полиситуативности.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в семасиологию, в разработку теории полиситуативности, служит углублению методики анализа, применяемого на новом, до сих пор не исследованном в данном аспекте материале – древнерусском языке, уточняет некоторые аспекты локативности как понятийной категории и указывает на пути семантического развития русского языка на примере одного из его фрагментов – локативной семантики.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее теоретических и практических результатов для преподавания в высших учебных заведениях спецкурсов по глагольной семантике, общему языкознанию, функциональной грамматике, а также курсов «Введение в языкознание», «Историческая грамматика русского языка», «Современный русский язык. Морфология». Кроме того, результаты анализа семантики локативных конструкций могут лечь в основу Словаря полиситуативных структур русского глагола.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семантика синтаксических конструкций со значением локативности в древнерусском языке представляет собой полиситуативно-полипропозициональный комплекс; ситуатема локативных конструкций является многомерной структурой, подчиняющейся пропозициональному структурированию на микро- и макроуровнях.

2. Ситуатемы локативных конструкций в древнерусском языке делятся на три группы по признаку направленности относительно временной оси: ретроспективные, интроспективные и проспективные.

3. Ситуатемы локативных конструкций по способу «упаковки» ситуаций представляют собой различные типы полиситуативности: длительность, конситуативность, сегментируемость, квантификацию, а также смешанный тип.

4. Локативные конструкции со стержневыми словами одинаковой частеречной принадлежности и аналогичным значением могут иметь различные структуры ситуатем с разнонаправленными ситуациями.

5. Ситуатемы древнерусских локативных конструкций являются структурно и семантически более сложными, включающими большее количество имплицитных ретроспективно и проспективно направленных ситуаций, чем в аналогичных конструкциях современного русского языка.

6. Большая степень полиситуативности в сфере локативных значений в древнерусском языке по сравнению с современным русским языком обусловлена включением ретроспективных, параллельных и проспективных пропозиций в макроуровень ситуатемы, включенностью субъекта в смежные ситуации, переходом субъекта и локуса в статус объекта.

Апробация результатов исследования

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в докладах на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: Всероссийской научной конференции «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (КемГУ, Кемерово, 2010), IV Всероссийской научно-практической конференции «Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты» (КемГУ, Кемерово, 2011), II Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием «Актуальные научные проблемы» (Екатеринбург, 2011), Международной практической конференции «Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке» (НГПУ, Новокузнецк, 2011), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного словообразования» (КемГУ, Кемерово, 2011), Конференции молодых ученых «Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики» (ТГУ, Томск, 2011), VI (XXXVIII) Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации» (КемГУ, Кемерово, 2011), Всероссийской научной конференции «Славянский мир. Диалог культур» (КемГУ, КемГУКИ, ОмГУ, Кемерово – Омск, 2011), Международной научно-практической конференции «Славянская филология: исследовательский и методический аспекты» (КемГУ, Кемерово, 2011), II Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 2012).

Содержание исследования отражено в 12 научных статьях, 3 из которых опубликованы в журналах, рекомендуемых ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, со-

проводящихся выводами, заключения, списка использованной научной, справочной литературы и источников. Список литературы включает 264 наименования научной литературы (монографии, статьи, авторефераты докторских и кандидатских диссертаций) по теме исследования. Список словарей включает 22 наименования.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, сформулированы цель, задачи, обозначены объект и предмет, материал и методы исследования, дана характеристика работы с точки зрения ее новизны, теоретической и практической ценности, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы полиситуативного анализа локативной семантики в древнерусском языке»** определяются исходные теоретические положения, необходимые для рассмотрения глубинной структуры локативных конструкций в древнерусском языке методом полиситуативного анализа.

1.1. История изучения категории локативности. В параграфе дается обзор основных направлений изучения категории пространства, средств выражения пространственных отношений. В лингвистике рассмотрены разные способы представления пространства: с помощью локативных префиксов (А. А. Зализняк, М. А. Кронгауз, В. А. Плунгян); с помощью предлогов (Т. В. Гофман; Г. Е. Крейдлин, С. Е. Никитина, О. Н. Селиверстова, В. Н. Топоров); с помощью предложно-падежных конструкций для концептуализации пространства (Т. Н. Байдакова, И. В. Бойко, А. В. Кравченко), с помощью лексики, а именно глаголов и глагольных словосочетаний (А. П. Бояров, Л. В. Гукина, И. В. Матюшина); отглагольных и неотглагольных пространственных существительных (Д. А. Осильбекова); наречий, играющих моделирующую роль (Л. Н. Засорина, Т. Н. Маляр, Е. С. Яковлева). Изучена лексическая репрезентация пространственных моделей (Д. А. Катунин), применение языковых средств с пространственной семантикой в текстах разной функциональной направленности (О. В. Мякишева). Локативность рассматривается как понятийная категория, представляющая собой «смысловой компонент общего характера, свойственный не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемая в естественном языке разнообразными средствами» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990). В рамках теории функциональной грамматики средства с пространственной семантикой представлены как функционально-семантическое поле локативности, которая понимается как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства. Комплекс средств, выражающих пространственную семантику, варьируется в зависимости от цели говорящего или пишущего и характера адресата.

1.2. Локативность и смежные с ней категории. В реальном бытии языка семантический и функциональный план лингвистических единиц со-

вмещаются. Объяснение этому кроется как в понятийно-логическом плане, отражающем близость и смежность реальных явлений и их свойств в действительности, так и в лингвогенетическом: одни производны от других. Самые частотные производные – от локативной категории как наиболее конкретной, «зримой». Эта позиция теоретически обосновывается установкой, базирующейся на философском представлении о пространстве как форме существования материи и примате пространственных представлений человека.

Соотношение экзистенциального, локативного и посессивного значений является уже заранее данной языковой универсалией, так как обладание предметом предполагает существование этого предмета вообще, а существование невозможно без локализации в пространстве и времени. Категории локативности, посессивности, бытийности и темпоральности неразрывно связаны.

1.3. Позиция наблюдателя. В семантику локативности всегда включена позиция наблюдателя. Понятие наблюдателя используется в современной семантике при описании значений пространственных предлогов и наречий (Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Г. А. Золотова), пространственных существительных (Ю. Д. Апресян), глаголов движения и восприятия (Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина), конструкций ориентирования одного предмета относительно другого (Е. В. Рахилина). Кроме того, понятие «наблюдатель» актуально в грамматической семантике и используется учеными при описании значений видо-временных форм русского глагола (Ю. С. Маслов, Е. В. Падучева,), конструкций с генитивом отрицания (Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева), отделяемых приставок в немецком языке (И. А. Мельчук).

Наблюдатель входит в число семантических участников ситуации, представление о наблюдателе связано с понятием коммуникативного ранга. Термин «наблюдатель» используется для более полного описания локативной ситуации методом полиситуативного анализа, который помогает выявить более полный список участников, точки отсчета временной направленности.

1.4. Методы семантического анализа языковых единиц. В параграфе рассматриваются точки зрения лингвистов на содержательную структуру слова: генеративная грамматика Н. Хомского, гипотеза компонентной структуры значения Ч. Филлмора, традиционный структурно-семантический подход к слову (А. В. Бондарко, Т. В. Матвеева, Д. Н. Шмелев), метод аспектации Н. Г. Комлева, «*lingua mentalis*» А. Вежбицкой, особый семантический метаязык московской семантической школы во главе с Ю. Д. Апресяном, язык «семантических множителей» А. К. Жолковского и И. А. Мельчука.

Метод полиситуативного анализа Н. Б. Лебедевой подвергает исследованию глубинный уровень денотативной семантики. Для данного исследования важным является то, что одна лексическая единица или синтаксическая конструкция со значением локативности может выражать полиситуативные фрагменты действительности наравне с целыми текстовыми структурами. При анализе локативных конструкций выявляются импликации и пресуппозитивные смыслы для того, чтобы вскрыть количество и соотношение пропо-

зий, входящих в структуру полиситуативных комплексов этих конструкций. Импликации показаны в их внутренней связи и в связи с ассертивными компонентами смысла в структуре ситуатемы.

Вторая глава «Полиситуативный анализ локативных конструкций в древнерусском языке» выполнена в рамках когнитивного направления современной лингвистики. В ней рассматриваются основные понятия полиситуативного анализа, применяемого в работе, описана типология полиситуативности.

2.1. Основные понятия полиситуативного анализа. Типология полиситуативности. Сложное устройство семантики со значением пространства требует использования специальных единиц анализа и специфического метаязыка. Одной из возможных единиц когнитивного анализа Н. Б. Лебедева предлагает считать ситуатему, объединяющую концептуальный и языковой пласты значения глагола. Язык описания когнитивно-языковых структур лексем формируется по пути спецификации семантики и синтаксиса естественного языка, а также привлечения средств языка логики. При проведении полиситуативного анализа локативных значений мы используем следующие **понятия**.

В качестве основной операционной единицы исследования мы берем **ситуатему** – «особую структуру, состоящую из комплекса ситуаций, имеющих статус как конвенциальных, так и имплицитивных элементов плана содержания глагольной единицы» (Н. Б. Лебедева 2010). **Фациент** определяется как «разновидность детерминемы, фактообразующий компонент ситуации» (Там же).

Описание структуры действия, в котором главным является локативное значение, проводится в трех масштабах: лексикализованный уровень, микроуровень и макроуровень. **Лексикализованный уровень, лексикализованная ситуация (Л - ситуация)** подразумевает анализ объема экстралингвистической реальности, который ассоциируется с данной лексемой. Это – ядро ситуатемы, ассертивная (утвердительная) часть значения слова, составляющая его смысловой центр. Все, что не входит в лексикализованную ситуацию, входит в имплицитную зону ситуатемы. **Микроуровень (м-ситуации)** включает ситуации, фазы, мельчайшие единицы смысла, которые входят в состав структуры лексикализованной ситуации. Фазы действия на этом уровне рассматриваются как микроситуации, а их смена – как микрособытия. Имплицитные ситуации микроуровня выделяются тогда, когда взгляд исследователя, как под микроскопом, рассматривает наполнение обобщенной ситуации, включающей множество более мелких гетерогенных (неоднородных) микроситуаций.

Макроуровень (М-ситуации) составляют смежные, сопутствующие ситуации, так как семантика высказывания кроме знания о ситуации, непосредственно ею описываемой, дает нам знание и некоторых других, тем или иным образом сопутствующих. Конситуации связаны с лексикализованной ситуацией разными типами отношений: логическими, временными, модально-модусными.

Таким образом, лексикализованная ситуация вместе с включенными в нее микроэлементами является ядром ситуатемы, а макроситуация – периферия, которая может включать **ретроспективные (ретро-ситуация), проспективные (проспект-ситуация) и параллельные ситуации**. Соответственно, ретроспективные ситуации предшествуют лексикализованной ситуации, проспективные ситуации – «идут вслед» за ней на временной оси, а параллельные ситуации происходят одновременно с лексикализованной.

Пресуппозитивная часть значения, содержащая различные подразумеваемые смысловые компоненты, входит в ретроспективный план, это пограничная область семантики между лексикализованной ситуацией и ретроспективным планом, **следствие** – пограничная зона между лексикализованной ситуацией и проспективным планом.

Субъект (С) понимается как одушевленное существо: лицо или животное (или нечто уподобляемое им – группа лиц или животных, организация, образ), которое наделено элементами воли, сознания, способно само передвигаться.

Объект (О) – одушевленное существо или предмет, существующий до наступления ситуации и подвергающийся изменению или воздействию.

Локум (локализатор) – объект, предмет, относительно которого указывается расстояние, то есть место, которое является точкой отсчета для определения и указания характеристик пространства.

Временная ось ситуатемы – для настоящего исследования важна направленность временного вектора ситуатемы, темпоральность является самой важной категорией, смежной с локативностью, выявление ретроспективных, параллельных и проспективных ситуаций происходит в зависимости от времени протекания события.

Методика полиситуативного анализа представляет собой предложенную Н. Б. Лебедевой **типологию полиситуативности**, содержащую следующие параметры:

1. Отношение к временной оси, а именно таксисные отношения внутри полиситуативного комплекса: соотносительность ситуаций во временном плане, «признак зависимой ориентированности действия во времени» (Т. Г. Акимова 1984). С этой точки зрения, полипропозитивные структуры распадаются на два класса: следования (ретроспективные – обнаруживаются тогда, когда дополнительная ситуация, повторное действие, дополнительное действие предшествует основной, – и проспективные ситуатемы – при следовании дополнительной ситуации после основной) и одновременности.

2. Способ «упаковки» полиситуативности включает:

а) степень выделенности сегментов микроситуаций (минимальная – в статических состояниях и определенная – в мультипликативных действиях);

б) характер структуризации полиситуативного денотата (равноправны ли ситуации или же имеется обобщение более мелких ситуаций, гомогенных или гетерогенных);

в) коммуникативный статус микроситуаций (ассерции, пресуппозиции, имплицатуры, слабые, фоновые компоненты).

3. Способ формальной «упаковки» полиситуативности. На собственно языковом уровне представленность предикативного полиситуативного денотата может различаться формальной выраженностью, а именно – лексическим, морфемным, грамматическим, синтаксическим, комбинированным способами.

Анализ с учетом трех вышеперечисленных параметров позволит представить семантическую структуру локативного глагола в виде ситуатемы, раскрывающей количество и характер пропозиций, включенных в значение глагола.

Так, на основе этих признаков выделяется четыре основных типа полиситуативности: **конситуативность, длительность, сегментированность, квантификация.**

2.2. Полиситуативный анализ глагольных сочетаний с локативным значением. В параграфе проводится полиситуативный анализ древнерусских локативных конструкций с позиционными глаголами, глаголами движения и бытийными глаголами.

Рассмотрим пример конструкции с позиционным глаголом: *«Придоша в городъ и рекоша имъ людье: По что губите себе? Коли можете **перестояти** нас?»* (Пришли [печенеги] в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас?») (ПВЛ).

Первичной ситуацией является бытийная ситуация, которая находится в имплицитной пресуппозитивной зоне всех ситуаций-пропозиций данной ситуатемы (все субъекты и локус есть, существуют).

На лексикализованном уровне **второй** ситуацией, выраженной на понятийном уровне пропозицией, является локативная ситуация местонахождения (печенеги окружили город и встали), эта ситуация эксплицитна, формально она выражена глаголом «перестояти», маркирована.

Третья ситуация жизни и жизнедеятельности выделяется на **микроуровне**, она является имплицитной и метонимически связана со второй локативной ситуацией. Этот микроуровень состоит из множества гетерогенных ситуаций (приготовление пищи, общение, сон, подготовка оружия, болезни, военные действия, ведение переговоров и т.д.).

Четвертой ситуацией является параллельная второй локативная ситуация русских людей (русские находятся в городе). Эта ситуация углубляется до микроситуаций: **пятая** – микроситуация – ситуация жизни и жизнедеятельности людей в городе, **шестая** микроситуация – посессивности (русские владеют городом, который они защищают). Ситуации локативности печенегов и русских являются параллельными, так как оба войска стоят по разные стороны города и ждут, когда войско противника сдастся. Цель каждой из сторон – выстоять дольше, **ПЕРЕСТОЯТЬ**. Ситуации происходят одновременно.

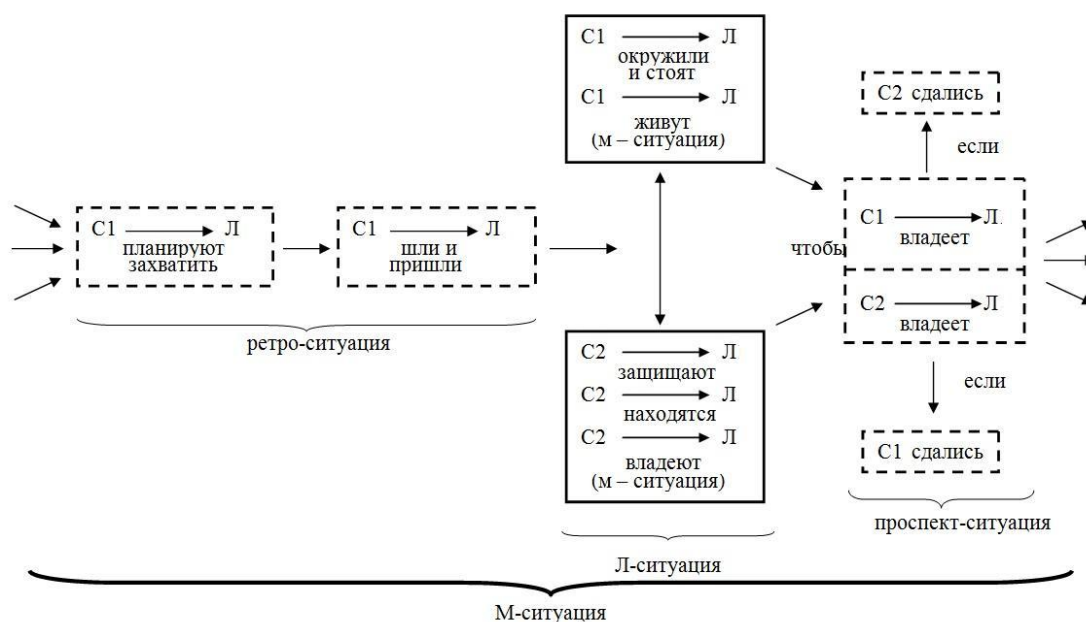
В масштабе **макроуровня** выделяются ретроспективные имплицитные ситуации: ситуация **планирования захвата**, локативная ситуация (воины переместились из одного пространства в другое, пришли к городу).

В перспективной зоне выделяются три параллельные ситуации, две из которых взаимоисключают друг друга. Основная перспективная ситуация – ситуация **посессивности** (печенеги/русские владеют городом). Эта ситуация наступит при условии реализации еще одной из двух ситуаций: одно из войск сдастся. Если перестоят печенеги, то они завладеют городом, и наоборот. Посессивная ситуация является параллельной каждой из возможных ситуаций поражения.

Таким образом, лексикализованные ситуации связаны с перспективной ситуацией посессивности **фациентом цели**, а посессивная ситуация связана с параллельными ситуациями поражения **фациентом условия**.

Важно отметить, что рассматриваемая ситуатема является и **ретроспективно**, и **перспективно** направленной.

Схема 1. Структура ретро- и перспективно направленной ситуатемы «Коли можете перестояти нас?»

Эта ситуатема представляет собой **смешанный тип полиситуативности**: параллельная конситуативность проявляется в наличии параллельных ситуаций, последовательная конситуативность – в том, что ретроспективные, лексикализованные и параллельные ситуации расположены последовательно на временной оси в макромасштабе, а квантификация проявляется в микроситуациях жизни и жизнедеятельности.

В современном русском языке подобные глаголы со значением действия, превышающего по результатам аналогичные действия, употребляются довольно широко: *перекричать, переплюнуть, перевесить*.

Приведем следующий пример конструкции с глаголом движения: «*Придоша Святополкъ, и Владимиръ <...> и сняшася Любячи*» (Встретились Святополк и Владимир в Любече) (ПВЛ).

Перейдем к описанию ситуаций-пропозиций данной ситуатемы.

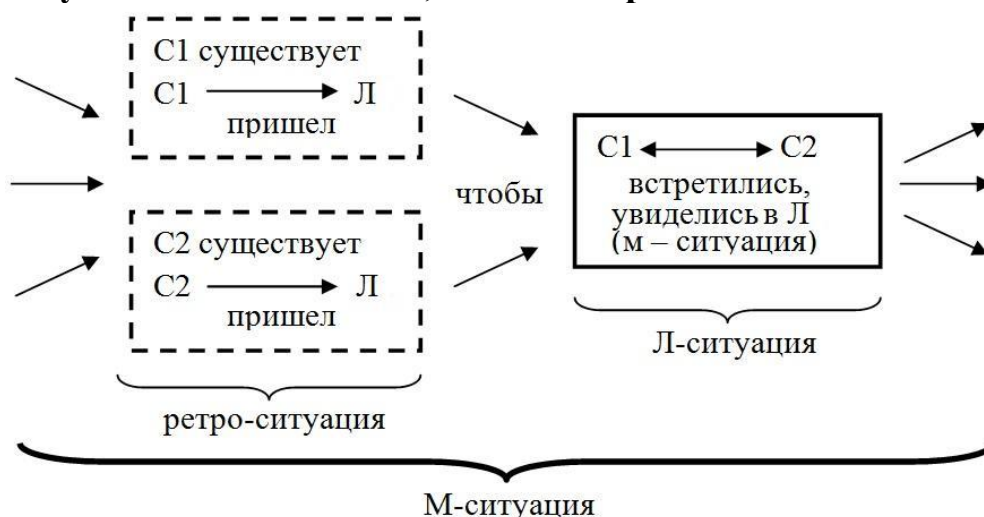
Первичной и исходной ситуацией, на понятийном уровне выраженной пропозицией, является бытийная ситуация (Святополк, Владимир и Любеч существуют). Эта ситуация эксплицитна, пресуппозитивна.

Вторая ситуация – ситуация встречи, она одновременно имеет локативную семантику. Глагол «встретиться» непосредственно отсылает к категории места. Эта ситуация находится в лексикализованной зоне, формально выражена глаголом «сняшася» и углубляется до **микроситуаций**.

Третья и четвертая ситуации локативные (Святополк шел и пришел в Любеч. Владимир шел и пришел в Любеч), они выделяются в **ретроспективной** зоне, имплицитно включены в ситуатему, но в контексте поддерживаются глаголом «придоша». Эти ситуации являются параллельными: оба субъекта одновременно шли в Любеч, чтобы увидеть друг друга, так, эти параллельные ситуации и лексикализованная ситуация встречи связаны **фациентом цели**. Так, в целом ситуатема является ретро- и проспективно направленной, так как контекст прошлого и будущего важен для лексикализованной ситуации.

Представим структуру описанной ситуатемы в виде схемы.

Схема 2. Структура ретро- и проспективно направленной ситуатемы «Святополкъ, и Владимиръ <...> и сняшася Любячи»

По типу «упаковки» ситуаций ситуатема представляет собой **параллельную конситуативность**, так как действие производится двумя субъектами параллельно на временной оси.

Приведем пример ситуатемы с бытийным глаголом: «*Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь <...> присьбдятъ от запада къ полуденю и съсьбдятся съ племянем Хамовым*» (Потомство Иафета: варяги, шведы, урманы, готы, русь <...> примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хама) (ПВЛ).

Первичной ситуацией, находящейся в пресуппозитивной зоне глагола «съсьбдятся», является бытийная ситуация (все субъекты и локусы есть, существуют).

Лексикализованный уровень данной ситуатемы состоит из двух ситуаций, расположенных параллельно на оси времени. Обе ситуации включают в себя локативное, посессивное и жизнедеятельностное значения, они эксплицитны, формально выражены глаголом «съсьбдятся».

Так, **вторая** ситуация – локативная, она является вторичной по отношению к первой ситуации (потомство Иафета и племя Хама находятся в определенном месте, на отдельной территории, поскольку существуют).

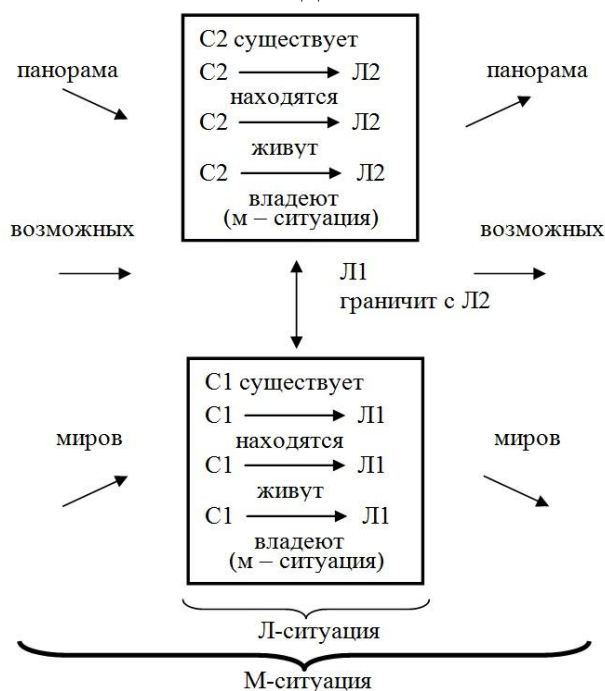
Третья ситуация – жизнедеятельности – является, в свою очередь, вторичной к локативной ситуации (племена находятся на территории долго, значит, там живут). Жизнедеятельностная ситуация является скрыто-объектной, субъекты взаимодействуют друг с другом и с окружающими объектами. Объекты «скрыты», так как не эксплицированы.

Четвертая ситуация – ситуация посессивности (племена владеют территориями, на которых живут), она является вторичной и производной от локативной ситуации.

Маркированной ситуацией является локативная ситуация, остальные, находящиеся с ней в параллельных и одновременно в производных отношениях, являются немаркированными.

Набор этих ситуаций дублируется (потомство Иафета и племя Хама живут по соседству) и воплощается в параллельных ситуациях в структуре полиситуативного комплекса.

Схема 3. Структура интроспективно направленной ситуатемы «Афетово бо и то колено <...> събьдятся съ племяем Хамовым»

Описанная ситуатема относится к интроспективно направленным, так как коммуникативный фокус находится в эксплицитной зоне значения. Анализируемый полиситуативный комплекс представляет такой способ «упаковки» полиситуативного фрагмента, как **параллельная конситуативность**.

В современном русском языке существует глагол «соседить», хотя он не имеет широкого употребления. Однако существуют производные существительное *сосед* и наречие *по соседству*.

2.3. Полиситуативный анализ именных локативных конструкций в древнерусском языке. В параграфе методом полиситуативного анализа рас-

смачивается семантическая структура субстантивных и адъективных конструкций.

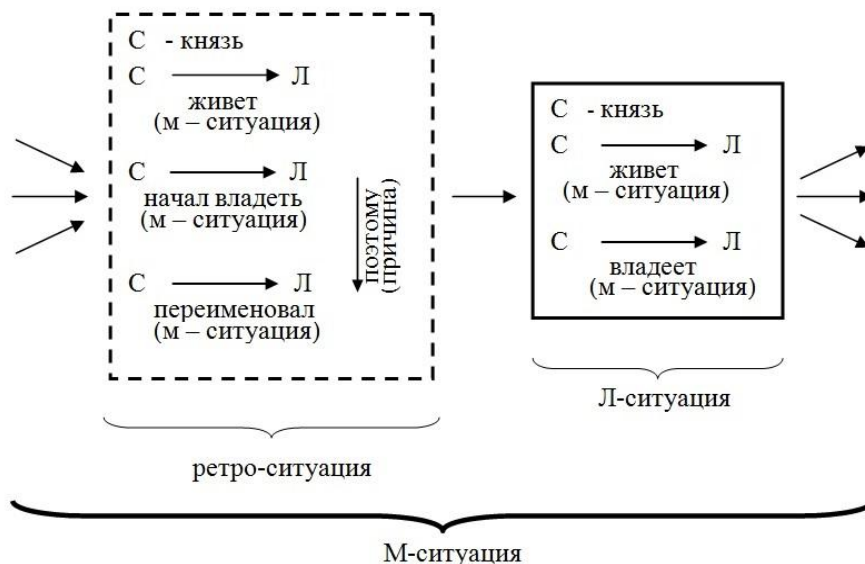
Обратимся к рассмотрению следующего фрагмента «*Семионъ же приа град Ондрънь, иже первое Арестов град нарицашеся <...> иже во трехъ реках купався недуга избы ту, сего ради град во имя своё нарече. По следи же Андрианъ кesarь и обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовем его Андрианом-градом*» (Симеон же захватил Андрианополь, который первоначально назывался городом Ореста <...> ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни – оттого и назвал город своим именем. Впоследствии его обновил цезарь Андриан и назвал в свое имя Андрианом, мы же зовем его Андриан-градом) (ПВЛ).

Обратим внимание на локативную конструкцию «град Ондрънь». В ПВЛ говорится о том, что Андриан сменил Ореста и назвал город в свою честь. Рассмотрим ситуации: **первая**, пресуппозитивная, ситуация – бытийности. **Вторая** ситуация – лексикализованная – локативно-посессивная (Андриан владеет городом, живет в нем). **Третья** ситуация – жизнедеятельности (ее можно углубить до микроуровня).

Четвертая ситуация – посессивная – находится на макроуровне, это ретроситуация, сообщающая о том, что, когда Андриан начал княжить в Арест-граде, он переименовал город в свою честь. Здесь присутствует **фациент причины** (начал владеть, поэтому и переименовал в свою честь). То есть причина связывает две ситуации в ретро-плане.

Построим схему рассмотренной ситуатемы.

Схема 4. Структура ретроспективно направленной ситуатемы «град Ондрънь»

Эта ситуатема ретроспективно направлена, тип полиситуативности, реализуемый ею, – **конситуативность**.

В качестве примера для анализа синтаксической единицы, в которой прилагательное несет локативное значение, возьмем следующий фрагмент текста: «*Святополк <...> прииде в землю Ярославлю*» (Святополк <...> пришел в землю Ярослава) (ПВЛ). **Первичной** и исходной ситуацией, на по-

нятийном уровне выраженной пропозицией, является бытийная ситуация (Ярослав есть, существует), которая находится в пресуппозитивной зоне содержательной структуры.

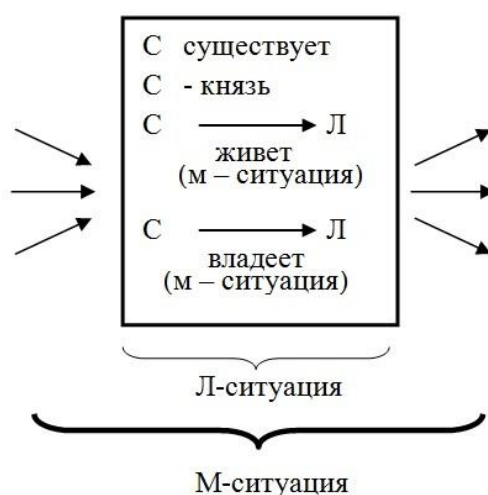
Вторая ситуация (Ярослав находится где-либо) – локативная, она является вторичной (физическое тело находится где-либо потому, что оно существует – отношение временной последовательности).

Третья ситуация (Ярослав живет в данном месте) жизнедеятельности – является также вторичной по отношению к локативной ситуации (тот, кто находится где-либо долго, там и живет – временное соотношение). Эта ситуация скрыто-объектна, объекты входят в понятие пространства именно так, как составные части входят в целое. Когда лицо живет где-то, то оно взаимодействует с другими предметами и лицами, с самим локусом, которые являются объектами, названными нами скрытыми, поскольку на поверхностном уровне они не эксплицированы.

Четвертая ситуация (Ярослав владеет этим местом – городом) – посессивная – является также вторичной и производной от локативной ситуации: лицо, живя в определенном месте и взаимодействуя с различными предметами, лицами и локусом, приобретает естественные права на это место и предметы. На поверхностном – синтаксическом – уровне это проявляется в переходе локуса (в локативной и жизнедеятельностной ситуациях) в статус объекта.

Явной (маркированной) ситуацией является ситуация «владеть», остальные, находящиеся с ней в параллельных и в то же время производных отношениях, являются скрытыми (немаркированными).

Схема 5. Структура интроспективно направленной ситуатемы «земля Ярославля»

Это интроспективно направленная ситуатема, так как коммуникативный фокус находится в эксплицитной зоне значения. По типу полиситуативности рассмотренная ситуатема представляет собой **конситуативность**: все ситуации представлены одновременно. В современном русском языке название города Ярославля сохранило форму притяжательного прилагательного и все отмеченные ситуации в структуре ситуатемы.

2.4. Адвербиальные локативные конструкции. В параграфе проводится полиситуативный анализ древнерусских наречных локативных конструкций.

Рассмотрим пример полиситуативного анализа фрагмента текста, в котором локативное значение акцентирует наречие: «*Поселянинъ же онъ **рискаше обиходя** И его же преже небрежаше и гнушашеся, и того пакы нудяшеся*» (Крестьянин же тот бегал вокруг, стремясь увидеть того, кем прежде он пренебрегал и гнушался) (ЖСР).

В имплицитной пресуппозитивной зоне ситуатемы находится **первая** – бытийная – ситуация (все субъекты и локус есть, существуют).

Второй, лексикализованной, ситуацией, выраженной пропозицией на понятийном уровне, является локативная ситуация местонахождения (крестьянин находится в определенном месте, пространстве). Эта ситуация эксплицитна, маркирована.

Третья ситуация также является локативной, но она передает информацию о передвижении крестьянина в этом пространстве. Данная ситуация также находится в рамках лексикализованного уровня, маркирована.

Четвертая ситуация, связанная с предыдущей **фациентом цели**, находится в проспективной зоне (крестьянин бегае́т вокруг [толпы людей], чтобы увидеть преподобного Сергия). Таким образом, существует **пятая** – **параллельная** – ситуация (существование в данном месте второго субъекта – Сергия), увидеть которого является целью первого субъекта, крестьянина. Эта ситуация углубляется до множества микроситуаций.

В ретроспективной зоне находится еще одна – **шестая** – локативная ситуация (крестьянин пришел к монастырю).

Представим схему рассмотренного примера.

Представленная ситуатема является **проспективно** направленной, так как дополнительная ситуация, следующая за основной, имеет коммуникативную значимость: «бегал вокруг зачем?». По типу полиситуативности данная ситуатема представляет собой **параллельную конситуативность**, так как мы видим две ситуации, одновременно существующие в реальности, поскольку передвигаться вокруг субъекта или объекта предполагает его наличие. Однако в данном примере можно говорить и о **последовательной конситуативности**, так как ретроспективная ситуация (крестьянин пришел к монастырю) предшествовала лексикализованной ситуации на временной оси. Кроме того, действие «бегал вокруг» обозначает ситуацию, которая состоит из многих, более простых. Значит, кроме конситуативности мы имеем дело с **сегментируемостью**.

2.5. Полиситуативный анализ как механизм выявления расширения локативной семантики. Метод полиситуативного анализа является одним из способов выявления языкового расширения, а именно расширения семантики локативных единиц. Возможности полиситуативной методики проявляются в фиксации того, что «не попадает в фокус» в результате смещения акцента, изменения ракурса рассмотрения ситуации. Полиситуативный анализ локативных значений вскрывает наличие связанных с исходным смыслом ситуаций, на которые данное слово можно «распространить», которые можно «охватить» (макроситуация), их глубины, характера их связей, обнаруживает определенную часть дополнительных, пресуппозитивных или потенциальных значений локативной конструкции.

В **Заключении** содержатся выводы, результаты проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения категории локативности.

Поскольку полиситуативный подход к языку рассмотрен с использованием достижений когнитивной лингвистики и семасиологии, он является комплексным, основывается на описании многослойной, разноплановой семантической структуры языковых единиц и представляет собой метод расписывания динамических структур, которые маркированы в языке лексемами со значением локативности.

В результате проведенного анализа денотативное содержание древнерусских локативных синтаксических конструкций представляет собой полиситуативную, полисобытийную, полипропозициональную структуру, изменяющуюся в соответствии с коммуникативными условиями.

Полиситуативный анализ семантики локативных конструкций в древнерусском языке, представленный во второй главе работы, показал, что рассмотренные ситуатемы содержат компоненты, которые помимо локативного выражают и другие значения, такие, как бытийное, посессивное, темпоральное, жизнедеятельное и т.д.

В древнерусском языке в структурах ситуатем выделяются ситуации-пропозиции разных типов, они взаимозависимы и делятся на ядерные и периферийные. Ядерные ситуации – это эксплицитные, маркированные в языке ситуации, передающие информацию, которая попадает в коммуникативный

фокус ситуатемы, находится в ее лексикализованной зоне. Периферийные ситуации – имплицитные, скрытые ситуации, которые предшествуют, сопутствуют ядерной ситуации или находятся в перспективе на временной оси.

По направленности коммуникативного фокуса ситуатемы древнерусских локативных конструкций делятся на четыре типа: ретроспективно направленные (коммуникативный фокус ситуатемы находится в ретроспективной зоне), проспективно направленные (коммуникативный фокус находится в проспективных ситуациях), интроспективно направленные (коммуникативный фокус направлен на саму ядерную ситуацию), ретро-и проспективно направленные (для ядерной ситуации имеет значение и ретро-, и проспективная зона ситуатемы). При рассмотрении ситуаций на микроуровне также обнаруживается одновременное сосуществование нескольких разнородных ситуаций, находящихся в динамической взаимосвязи.

Результаты сопоставления особенностей семантики древнерусских синтаксических конструкций с пространственной семантикой и их современных русских эквивалентов подтвердили наши ожидания и показали, что ситуатемы древнерусских конструкций имеет наиболее богатую и глубокую структуру, чем в современном русском языке. Язык развивается по пути от синкретизма к аналитизму. В соответствии с этим древнерусские конструкции обладают большей способностью к расширению денотативного пространства, за счет того, что одна лексема в древнерусском языке могла передавать знание о нескольких ситуациях, в то время как в русском языке такое сочетание чаще всего представлено более сложной синтаксической конструкцией. Иными словами, в древнерусском языке ситуация может предполагаться и не быть названной, выраженной формально, а в современном русском языке каждая ситуация названа отдельным словом. Особенно это касается глагольных сочетаний. Поэтому ситуатемы древнерусских локативных конструкций часто представляют собой интроспективно направленные комплексы, одновременно содержащие множество ситуаций.

«Упаковка» ситуаций в ситуатемах пространственных конструкций в древнерусском языке отражают синкретическое восприятие мира сознанием человека того времени: отождествление субъекта, объекта и пространства, включенность объектов в локус.

Локативная семантика является богатым материалом для исследования с точки зрения полиситуативности. Рассмотрение локативного значения как базового для человеческой жизни заслуживает продолжения, актуальным является комплексное сопоставительное исследование ситуатем локативных конструкций в древнерусском языке, в современном русском и других языках с целью определения особенностей понимания и выражения пространственных отношений людьми разных эпох и культур, а также отражения динамического фрагмента действительности в языковом сознании.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях.

В ведущих рецензируемых научных изданиях (журналах), включенных в Перечень ВАК Минобрнауки РФ:

1. Дементьянова, А. М., Лебедева, Н. Б. Локативные конструкции в древнерусском языке / А. М. Дементьянова, Н. Б. Лебедева // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2012. – №4 (52). – Т.3. – С. 161-166 (0,3 п. л.).

2. Дементьянова, А. М. Ситуатема древнерусского глагола «перестояти» как пример реализации конситуативного типа полиситуативности [Электронный ресурс] / А. М. Дементьянова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/111-10655> (0,5 п. л.).

3. Лебедева, Н. Б., Дементьянова, А. М. Метод полиситуативного анализа как механизм выявления семантического расширения (на материале древнерусских локативных конструкций) [Электронный ресурс] / Н. Б. Лебедева, А. М. Дементьянова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/111-10656> (0,3 п. л.).

В материалах всероссийских и международных научных конференций, сборниках научных трудов:

4. Дементьянова, А. М. Функционирование локативного значения в памятниках древнерусской письменности разных жанров / А. М. Дементьянова // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: сборник научных статей / Под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Кемерово, 2010. – Вып. 2. – С. 80-83 (0,2 п. л.).

5. Дементьянова, А. М. Взаимодействие категорий локативности и посессивности в памятниках древнерусской письменности / А. М. Дементьянова // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть IV: Дискурсы и жанры письменной речи: сборник научных статей / Под. ред. Н. Б. Лебедевой. – Кемерово, 2011. – С. 226-230 (0,3 п. л.).

6. Дементьянова, А. М. Локативность и посессивность: взаимодействие категориальных ситуаций (на материале памятников древнерусской письменности) / А. М. Дементьянова // Актуальные научные проблемы: II Всероссийская заочная научно-практическая конференция с международным участием 31 января 2011 года. – Екатеринбург, 2011. – С. 84-85 (0,1 п. л.).

7. Лебедева, Н. Б., Дементьянова, А. М. Полиситуативный анализ: к постановке вопроса / Н. Б. Лебедева, А. М. Дементьянова // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: Материалы международной практической конференции 8 апреля 2011 года. – Новокузнецк, 2011. – С. 425-428 (0,2 п. л.).

8. Дементьянова, А. М. Пространственные приставки в древнерусском тексте: полиситуативный аспект рассмотрения / А. М. Дементьянова // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей / Под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Кемерово, 2011. – Вып. 4. – С. 230-233 (0,2 п. л.).

9. Дементьянова, А. М. Притяжательное прилагательное в древнерусском языке как полиситуативная структура / А. М. Дементьянова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конференции молодых ученых. – Томск: ТГУ, 2011. – Том 1. – С. 103-106 (0,2 п. л.).

10. Дементьянова, А. М. «Земля Ярославля»: семантическая структура прилагательного в древнерусском языке / А. М. Дементьянова // Образование, наука, инновации: Материалы VI (XXXVIII) Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Кемерово: КемГУ, 2011. – Том 1. – С. 335-338 (0,2 п. л.).

11. Дементьянова, А. М. Опыт полиситуативного анализа глагольных приставок с семантикой локативности (на материале древнерусских текстов) / А. М. Дементьянова // «Славянский мир. Диалог культур»: сборник научных статей в 2 ч. – Кемерово-Омск, 2011. – Часть 2. – С. 211-217 (0,4 п. л.).

12. Дементьянова, А. М. Способы включения субъекта в пространство (из опыта полиситуативного анализа притяжательного прилагательного в древнерусском языке) [Электронный ресурс] / А. М. Дементьянова // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: сборник научных статей (тексто-графические учебные материалы) / Науч. ред. д. ф. н., проф., член-корр. САН ВШ Н. Б. Лебедева, отв. ред. к. ф. н., доц. Е. В. Евпак. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2011. – С. 272-277. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) (0,3 п. л.).